

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Научная статья | Original paper

Ценностная структура и материальный статус семьи как индикаторы и ресурсы устойчивости молодежи в трудной жизненной ситуации

А.А. Реан¹, А.О. Шевченко², А.А. Ставцев¹, А.Л. Линьков¹ ✉,
И.А. Коновалов¹, Р.Г. Кузьмин¹

¹ Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований,
Москва, Российская Федерация

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

✉ tonypsy@ya.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Ценности играют значимую роль в процессах социализации и могут выступать психологическим ресурсом в трудных жизненных ситуациях в условиях ограниченного материального благополучия. Теоретической основой послужили модели ценностей Ш. Шварца и Р. Инглхарта, а также концепция экономической социализации.

Цель исследования. Определить особенности ценностных ориентаций студентов в зависимости от субъективной оценки материального положения семьи.

Гипотеза. Субъективное восприятие материального неблагополучия связано с преобладанием определенных ценностных ориентаций, которые выполняют функцию психологических ресурсов, способствующих адаптации к трудным жизненным ситуациям.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 2315 студентов из 10 городов России ($M = 20,19$; $SD = 2,9$; 83% девушек). Использовались ценностный опросник Шварца (PVQ-R2) и субъективная самооценка материального положения семьи. Статистическая обработка данных произведена с помощью дисперсионного анализа ANOVA, критериев Уоллера-Дункана и Геймса-Хьюэллса.

Результаты. Установлена значимая связь между финансовым положением семьи и предпочтением ряда ценностей: «Традиции», «Благожелательность — Забота», «Гедонизм», «Достижение», «Безопасность — Общественная», «Конформизм — Межличностный», «Власть — Ресурсы», «Самостоятельность — Мысли», «Безопасность — Личная», «Благожелательность — Чувство долга». Наиболее выраженные ценности среди молодежи из обеспеченных семей — «Традиции», «Гедонизм», «Достижение», «Благожелательность», в то время как у молодежи из малообеспеченных семей чаще выражена ценность «Конформизм — Межличностный».

Выводы. Ценностная структура молодежи на этапе вторичной экономической социализации связана с субъективной оценкой материального положения семьи. Согласно полученным результатам, ценность «Конформизм — Межличностный» может выступать в роли психологического ресурса, способствующего адаптации к трудным жизненным ситуациям. Полученные результаты показывают, что российский социальный контекст модифицирует общие закономерности, предложенные теориями Шварца и Инглхарта, что требует дальнейших междисциплинарных исследований, учитывающих социокультурную специфику общества.

Ключевые слова: ценности, семья, социализация, материальное положение, трудные жизненные ситуации

Для цитирования: Реан, А.А., Шевченко, А.О., Ставцев, А.А., Линьков, А.Л., Коновалов, И.А., Кузьмин, Р.Г. (2025). Ценностная структура и материальный статус семьи как индикаторы и ресурсы устойчивости молодежи в трудной жизненной ситуации. *Социальная психология и общество*, 16(4), 49–70. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160404>

Value structure and material status of the family as indicators and resources of youth resilience in difficult life situations

A.A. Rean¹, A.O. Shevchenko², A.A. Stavtsev¹, A.L. Linkov¹ ✉,
I.A. Kononov¹, R.G. Kuzmin¹

¹ Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research,
Moscow, Russian Federation

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ tonypsy@ya.ru

Abstract

Context and relevance. Values play a significant role in socialization processes and can serve as a psychological resource in difficult life situations under conditions of limited material well-being. Theoretical foundations of the study include the value models of Sh. Schwartz and R. Inglehart, as well as the concept of economic socialization.

Objective. To identify the features of students' value orientations depending on their subjective assessment of a family's material status.

Hypothesis. The subjective perception of material disadvantage is associated with the predominance of certain value orientations that function as psychological resources facilitating adaptation to difficult life situations.

Methods and materials. The study involved 2315 students from 10 cities of Russia ($M = 20,19$; $SD = 2,9$; 83% female). The Schwartz Value Survey (PVQ-R2) and subjective self-assessment of the family's material status were used. Statistical data analysis was carried out using ANOVA, Waller–Duncan and Games–Howell tests.

Results. A significant relationship was found between the family's financial status and the preference for several values: Tradition, Benevolence — Caring, Hedonism, Achievement, Security — Societal, Conformity — Interpersonal, Power — Resources, Self-Direction — Thought,

Security — Personal, and Benevolence — Dependability. The most prominent values among youth from well-off families were Tradition, Hedonism, Achievement, and Benevolence, whereas young people from low-income families more often demonstrated the value of Conformity — Interpersonal.

Conclusions. *The value structure of youth at the stage of secondary economic socialization is associated with subjective assessment of the family's material status. According to the results, the value of Conformity — Interpersonal may serve as a psychological resource contributing to adaptation in difficult life situations. The findings suggest that Russian social context modifies the general patterns proposed by Schwartz's and Inglehart's theories, which calls for further interdisciplinary research considering the sociocultural specificity of society.*

Keywords: *values, family, socialization, material status, difficult life situations*

For citation: Rean, A.A., Shevchenko, A.O., Stavtsev, A.A., Linkov, A.L., Kononov, I.A., Kuzmin, R.G. (2025). Value structure and material status of the family as indicators and resources of youth resilience in difficult life situations. *Social Psychology and Society*, 16(4), 49–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160404>

Введение

Социализация — это «процесс и результат усвоения и последующего активного воспроизводства индивидом социального опыта» (Реан, 2013, с. 14). Выделяется первичная и вторичная социализация. Первичная связана с формированием цельного образа окружающей действительности, вторичная — с приобретением специфического ролевого знания, в котором роли, как правило, связаны с разделением труда. В подходе Б.Г. Ананьева социализация представляется как процесс, протекающий в двух направлениях — становление человека-личности и человека-субъекта деятельности, что ведет к образованию индивидуальности (Реан, 2013).

В свою очередь семья является одним из самых важных институтов социализации личности, именно в семье закладывается основа социального поведения, половой роли, идентичности, усваивается система норм и правил (Мухина, 2017). Также важным моментом, по Г.М. Андреевой (2009), является формирование

у ребенка в семье его системы ценностей, мировоззрения. Согласно Л.С. Выготскому (1983), это происходит за счет интериоризации социального опыта при взаимодействии со значимыми взрослыми. То есть ребенок сначала перенимает ценности родителей, разделяя их с ними, а потом сам является носителем этих ценностей. Это доказано, в частности, исследованием Н.В. Гришиной и С.Ю. Лавренчук (2008), где была выявлена значимая межпоколенческая передача ценностей. Причем она происходит как через осознанные убеждения, так и через наблюдаемое поведение, в рамках тесного взаимодействия поколений.

Социализацию можно рассматривать и в разных жизненных сферах человека, в том числе и финансовой. Ш. Дэйнс (S. Danes) (1994) понимала финансовую социализацию как некий процесс приобретения знаний и навыков, а также поведения, способствующего финансовой жизнеспособности и финансовому благополучию. К. Гудмунсон (C. Gudmunson) вместе с Ш. Дейнс (2011) отмечают, что

финансовая социализация происходит на протяжении всей жизни человека, а именно от детского возраста, когда дети наблюдают за родителями и их финансовым поведением, через развитие самостоятельности во времена студенчества и в дальнейшем при изменении и приобретении различных социальных ролей. Авторы также подчеркивают, что исследование процессов семейной финансовой социализации позволяет рассматривать «целостную личность» в контексте изучения финансовых достижений человека (Gudmunson, Danes, 2011). В рамках первичной экономической социализации происходит усвоение социально-экономического опыта, приобретение и формирование соответствующих знаний, а также последующее воспроизведение финансового поведения у детей и подростков. Вторичная экономическая социализация связана с построением и формированием экономических связей и опытом взаимодействия с другими людьми и финансовыми институтами и пр. (Дробышева, 2018). Экономическую социализацию в таком случае можно определить как «процесс и результат включения индивида в систему экономических отношений общества, благодаря чему он становится субъектом экономических отношений, т.е. присваивая социально-экономический опыт (овладевая им), элементы экономической культуры (нормы, ценности, традиции и т.п.), а также преобразуя их в собственные установки, ценности, нормы экономического поведения, индивид становится субъектом экономических отношений данного общества» (Дробышева, 2018).

В зарубежных исследованиях существует модель переживаний семьями

экономического стресса, разработанная Р. Конджером (R. Conger) и Дж. Элдером (J. Elder) (Conger et al., 1992). Она предлагает схему того, как ухудшение финансового положения семьи влияет на психологическую адаптацию и здоровье ребенка. Авторы отмечают, что, когда степень ухудшения финансового положения становится очень высокой, родители становятся более подавленными, деморализованными, пессимистичными в отношении будущего и менее эмоционально устойчивыми, что оказывает влияние на качество детско-родительских отношений. Так как родители могут подвергнуться фрустрации, существует риск, что они чаще прибегают к более авторитарным стилям воспитания (Шведовская, Загвоздкина, 2013). Мы можем предполагать, что финансовая фрустрация родителей создает общесемейный стресс и, как следствие, отражается на детско-родительских отношениях, что может негативно сказываться на возможностях социально-экономической адаптации ребенка. Отметим также, что низкий уровень социально-экономического благополучия выступает значимым фактором различного рода рисков: образовательных (Фрумин, 2006; Michalos, 2017), рисков психологического неблагополучия (Michalos, 2017), агрессии и агрессивности (Реан, Коновалов, 2019), преступности (Kelly, 2000; Бартол, 2004). Иными словами, долгосрочное переживание последствий острой материальной нужды может быть рассмотрено как трудная жизненная ситуация, совладание с которой на психологическом уровне имеет свои особенности, которые могут быть связаны, в частности, со спецификой ценностных ориентаций.

Отдельно стоит обсудить конструкт ценностей. Ш. Шварц определяет ценности как мотивационные ориентации, которые служат руководящими принципами для действий и оценки событий (Шварц и др., 2012). В своей модели ценностей Шварц представил их распределение (см. Приложение А, раздел 2, рис. А1), основываясь на принципах схожести и противоположности, где ценности располагаются на континууме во внутреннем круге, каждая из которых несет свой мотивационный смысл (Schwartz et al., 2012): Самостоятельность — Мысли; Самостоятельность — Поступки; Стимуляция; Гедонизм; Достижение; Власть — Доминирование; Власть — Ресурсы; Репутация; Безопасность — Личная; Безопасность — Общественная; Традиции; Конформизм — Правила; Конформизм — Межличностный; Скромность; Универсализм — Забота о других; Универсализм; Универсализм — Толерантность; Благожелательность; Благожелательность — Чувство долга. Круги, располагающиеся над внутренним, представляют концептуальные блоки распределения ценностей. Второй круг (отсчет из центра) объединяет ценности в четыре блока метачценностей: «Открытость изменениям», «Самоутверждение», «Сохранение» и «Самопреодоление». Важно отметить, что некоторые ценности могут входить в два рядом находящихся блока (например, ценность «Репутация» входит и в «Самоутверждение», и в «Сохранение»). Третий круг связан с направленностью ценностей: личностный или социальный фокусы. Четвертый круг объединяет ценности, которые связаны с ростом, развитием и свободой от тревог, и ценности, связанные с самозащитой и

избеганием тревог (Schwartz et al., 2012; Шварц и др., 2012).

Также стоит рассмотреть теорию Р. Инглхарта (2020), в которой эмпирически выявлены ценностные измерения в рамках World Values Survey (WVS) — глобального исследования ценностей, проводящегося с 1981 г. В теории Инглхарта страны расположены в координатном пространстве, где выделяются две основные оси: «Традиционные — Секулярно-рациональные» ценности и ценности «Выживания — Самовыражения» (см. Приложение А, раздел 2, рис. А2). Ось «Традиционные — Секулярно-рациональные» ценности отражает переход от традиционных и религиозных ценностей аграрных обществ к более рациональным и секулярным ценностям в индустриальных обществах, в то время как ось «Выживание — Самовыражение» отражает трансформацию в ценностных ориентациях общества в зависимости от уровня его экономического развития. Чем ниже уровень финансового развития, тем более выражены ценности выживания, ориентированные на безопасность, стабильность и удовлетворение базовых потребностей. Напротив, в более финансово развитых обществах преобладают ценности самовыражения, связанные с независимостью, толерантностью и стремлением к самореализации.

С методологической точки зрения модели Шварца и Инглхарта представляют собой разные уровни анализа, которые не противоречат, а дополняют друг друга. В этом контексте можно предположить, что финансовое положение индивидов соотносится с преобладанием определенных ценностных ориентаций: у представителей групп с более низким

уровнем финансового достатка чаще будут выражены ценности, ориентированные на сохранение стабильности и адаптацию к внешним условиям (блоки «Сохранение» и «Самоутверждение» по Шварцу), тогда как у финансово более обеспеченных групп скорее будут преобладать ценности, отражающие стремление к самореализации и открытости новым возможностям (блоки «Открытость изменениям» и «Самопреодоление») (Шмидт, 2011).

В свою очередь ценности можно рассматривать не только как элемент социализации в рамках семьи, но и как психологический ресурс, актуализирующийся в трудных жизненных ситуациях, который обеспечивает смысловую опору в условиях неопределенности и потерь: «ценности подобного рода мы назовем “ценностями отношения”». Ибо действительно значимым является отношение человека к судьбе, выпавшей на его долю. <...> То, как он принимает тяготы жизни, как несет свой крест, то мужество, что он проявляет в страданиях, достоинство, которое он выказывает, будучи приговорен и обречен, — все это является мерой того, насколько он состоялся как человек» (Франкл, 1990). Можно сказать, что предпочтение определенных ценностей влияет на ощущение целостности, придает происходящему личностную значимость и тем самым активизирует внутренние адаптационные механизмы.

Таким образом, можно предположить, что ценности могут выступать психологическим ресурсом поддержки в трудных жизненных ситуациях, связанных с плохим материальным положением семьи. В связи с этим актуален вопрос, как финансовое положение семьи отражается на

ценностной структуре личности на этапе вторичной экономической социализации? Изучение ценностей помогает понять мотивационный смысл деятельности сферы молодежи и ресурсы совладания с трудными жизненными ситуациями.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие студенты вузов, осваивающие программы первого и второго высшего образования, из 10 городов Российской Федерации: Москва, Санкт-Петербург, Ижевск, Тверь, Нижний Новгород, Саранск, Ярославль, Пермь, Владимир, Новосибирск. Выборка составила 2315 респондентов (средний возраст — 20,19 ($SD = 2,9$)). Большинство респондентов (83%) — учащиеся женского пола. Выбор участников исследования осуществлялся случайным образом и основывался на их добровольном согласии принять участие в исследовании, которое было включено в форму анкетного опроса. Исследование проходило в онлайн-формате на платформе forms.yandex.ru.

Для оценки ценностной структуры личности использовался Ценностный опросник Шварца (PVQ-R2) (Шварц, Бутенко, Седова, Липатова, 2012). Также респондентам предлагалось оценить уровень материального обеспечения их семьи. Необходимо было выбрать одно из четырех утверждений, по выбору утверждения строились группы материального благополучия: «На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности», «На еду и одежду хватает, но покупка телевизора, холодильника и т.д. представляет трудности», «Мы достаточно материально обеспечены, но чтобы купить автомо-

биль, придется залезть в долги», «Мы материально обеспечены, можем позволить себе покупку автомобиля и дорогостоящий отпуск».

Процедура статистического анализа проведена в IBM SPSS Statistics v. 23. Был реализован однофакторный дисперсионный анализ с критерием Уоллера-Дункана, который использует Байесовский подход при анализе. «Этот критерий диапазона использует гармоническое среднее объемов выборок, когда объемы выборок не равны» (IBM SPSS Statistics Base 25, р. 46). Дополнительно был проведен дисперсионный анализ с критерием Геймса-Хоуэлла, который показывает себя как более универсальный критерий оценки (Sauder, DeMars, 2019). Представлены значимые различия в рамках двух методик сравнения средних, данная методология позволяет минимизировать ошибку I рода при сравнении неравных выборок респондентов.

Результаты

В данном разделе представлены результаты количественного анализа выраженности ценностных ориентаций у молодежи с различным уровнем субъективного материального положения семьи. Исследование охватывает как общую структуру ценностей, так и статистически значимые различия и взаимосвязи между переменными. Все переменные демонстрируют допустимый уровень симметрии распределения, хотя некоторые (например, Благожелательность — забота и Благожелательность — чувство долга) имеют заметную отрицательную асимметрию и высокие значения эксцесса, что свидетельствует о концентрации значений в верхнем диапазоне шкалы. Почти

все переменные имеют медиану, близкую к среднему значению, что указывает на нормальность распределения. Эти данные подтверждают корректность последующего применения корреляционного анализа и анализа вариаций (см. Приложение А, раздел 1, табл. А1).

Наибольшее среднее значение наблюдается по шкале «Благожелательность — Забота» ($M = 12,41$), минимальное — по шкале «Власть — Доминирование» ($M = 6,90$), что отражает общую направленность ценностной структуры молодежи на просоциальные ориентации, такие как забота и альтруизм, в противовес стремлению к власти. Распределения большинства переменных можно считать близкими к нормальному: значения асимметрии и эксцесса по большей части не превышают ± 1 . Это подтверждает возможность применения параметрических методов статистического анализа, включая корреляционный анализ и сравнение групповых средних.

Для оценки взаимосвязей между уровнем субъективного материального положения и шкалами ценностей был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Пирсона. Установлены статистически значимые положительные связи материального положения с ценностями: «Гедонизм» ($r = 0,082; p < 0,01$), «Достижение» ($r = 0,064; p < 0,01$), «Благожелательность — Забота» ($r = 0,091; p < 0,01$), «Благожелательность — Чувство долга» ($r = 0,055; p < 0,01$), «Безопасность — Личная» ($r = 0,045; p < 0,05$), «Безопасность — Общественная» ($r = 0,077; p < 0,01$), «Конформизм — Правила» ($r = 0,055; p < 0,01$), «Традиции» ($r = 0,108; p < 0,01$), «Репутация» ($r = 0,049; p < 0,05$) и «Са-

мостоятельность — Мысли» ($r = 0,049$; $p < 0,05$). Отрицательная связь выявлена с «Конформизмом — Межличностным» ($r = -0,047$; $p < 0,05$). По остальным шкалам статистически значимых корреляций с уровнем материального положения не обнаружено. Эти результаты подтверждают, что субъективное материальное положение связано с предпочтением ценностей, ориентированных на комфорт, самореализацию и устойчивость, в то время как ценности власти и подчинения менее выражены вне зависимости от финансового контекста.

Для более углубленного анализа полученных различий между группами, различающимися по субъективному материальному положению, был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) между группами, различающимися по уровню субъективного финансового благополучия (см. Приложение А, раздел 1, табл. А2). Наиболее значимыми ценностями стали: «Традиции», «Благожелательность — Забота», «Гедонизм», «Достижение», «Безопасность — Общественная», «Конформизм — Межличностный», «Власть — Ресурсы», «Самостоятельность — Мысли», «Безопасность — Личная» и «Благожелательность — Чувство долга».

В дальнейшем для анализа этих групп был использован критерий Уоллера-Дункана, который позволяет разделить группу на подмножества, данные результаты были также согласованы критерием Геймса-Хоуэлла (см. Приложение А, раздел 1, табл. А3).

Субъективно воспринимаемое материальное неблагополучие может рассматриваться как форма трудных жизненных ситуаций, потенциально мо-

дифицирующая структуру ценностей. В этом контексте различия в выборе ценностей между группами отражают не только социально-экономические реалии, но и внутренние адаптационные стратегии, запускаемые в ответ на жизненные ограничения.

Обсуждение результатов

В результате нашего исследования было выявлено, что блок «Сохранение» сильнее всего связан с материальным положением семьи, ценности внутри которого «акцентированы на избегании изменений, самоограничении и порядке» (Шварц и др., 2012, с. 51). В этот блок входят такие ценности, как «Традиции», «Конформизм», «Безопасность», «Скромность» и «Репутация». В результате нашего анализа связанные с материальным положением ценности из этого блока — это «Традиции», «Безопасность — Общественная», «Конформизм — Межличностный» и «Безопасность — Личная».

Наибольшей силой обладает **ценность «Традиции»** ($F = 9,086$, $p = 0,000$), мотивационный смысл которой заключается в «поддержании культурных, социальных и семейных традиций» (Шварц и др., 2012, с. 48). Анализ полученных данных по распределению на подмножества показал формирование трех групп для альфы = 0,05: семьи с низким доходом, средними доходами и высокими доходами. Исходя из теории экономической социализации, предполагаем, что участвующая в опросе студенческая молодежь находится на этапе вторичной экономической социализации. Ее можно рассматривать как процесс восприятия и приобретения новых экономических

знаний, а также паттернов поведения, позволяющих адаптироваться к изменяющимся условиям жизни (Дробышева, 2017). Предполагаем, что у молодых людей из менее обеспеченных семей может происходить переосмысление традиций (включая и семейные), которые могут оцениваться как нерелевантные сложившейся социально-экономической ситуации в обществе. У респондентов из этих семей может появляться нужда заново формировать, модифицировать навыки экономических отношений, которые гораздо шире, чем накопление и распределение. Напротив, для респондентов из обеспеченных семей ценность «Традиции» высока, так как может быть связана с устоявшимися эффективными практиками, которые обеспечивают большую экономическую выгоду (рис. 1).

Изначальное предположение о соотношении теорий Шварца и Инглхарта в части связи материального положения и ценностей блока «Сохранение» оказывается под вопросом, поскольку на теоретическом уровне следовало бы ожидать, что у индивидов с более низким уровнем финансового благополучия будут преимущественно выражены ценности, ориентированные на сохранение и приспособление. Однако эмпирические данные демонстрируют, что ценность «Традиции» в большей степени выражена в группе с более высоким экономическим благополучием. Данный результат может свидетельствовать о том, что теория Инглхарта при сопоставлении с теорией Шварца сталкивается с ограничениями, и что выявленные различия могут быть обусловлены спецификой выборки, в частности, российским социальным контекстом. В таком случае мы не можем го-

ворить, что ценность «Традиции» может выступать ресурсом в трудной жизненной ситуации.

Ценность «Конформизм — Межличностный» ($F = 4,811, p = 0,002$) характеризуется избеганием причинения вреда другим людям (Шварц и др., 2012). Анализ распределения на подмножества показал две группы, во вторую вошли респонденты, оценившие материальное благополучие семьи как «на ежедневные расходы хватает...». Чем выше уровень материального благополучия у семьи, тем меньше выражена данная ценность. Вероятно, молодежь, воспитанная в семьях с более низким доходом, более склонна к аккуратности в общении, чтобы иметь как возможность встроиться в новые экономические отношения, так и сохранить социальный статус (рис. 2). Этот вывод соответствует положениям теории Инглхарта, согласно которым постматериалистические ценности, такие как независимость и самовыражение, усиливаются в условиях экономической стабильности общества. Следовательно, мы можем сделать предположение, что ориентация на ценность «Конформизм — Межличностный» выступает как ресурс совладания с трудными жизненными ситуациями.

Результаты нашего исследования показали значимые различия в выраженности ценностей «**Безопасность — Общественная**» и «**Безопасность — Личная**» в зависимости от уровня материального благополучия семьи. **Ценность «Безопасность — Общественная»** ($F = 5,054, p = 0,002$), согласно Шварцу и др. (2012), нацелена на поддержание стабильности общества в целом (анализ Уоллера-Дункана показывает распределение на три подмножества: группу семей с низким

уровнем материального обеспечения, со средним уровнем дохода и с высоким уровнем дохода, график демонстрирует рост средних значений выраженности ценности с ростом материального благополучия). **Ценность «Безопасность — личная»** ($F = 2,908, p = 0,033$) нацелена на безопасность близкого окружения (формируются два подмножества, согласно критерию Уоллера-Дункана: 1 — группа людей с низким и средним уровнем дохода, 2 — группа с высоким и средним уровнем дохода). Отмечается, что чем выше уровень обеспеченности, тем выше выраженность вышеуказанных ценностей (см. Приложение А, раздел 1, табл. А2). Ценности «Безопасности» связывают во многом с сохранением и защитой

статуса-кво. Исследование В.А. Федотовой (2017), посвященное изучению ценностей в контексте возрастных различий, показало, что молодежь больше склонна к ценностям блока «Открытость новому» и «Самопреодоление». Однако в контексте связи ценностей и материального обеспечения можно предполагать, что молодые люди больше склонны к сохранению и защите устоявшихся семейных финансовых стратегий, обеспечивающих «финансовую подушку безопасности» или приемлемый уровень благосостояния/качества жизни. Ценности «безопасности» были важны для всех поколений людей, это подтверждается и нашим исследованием, что может помочь в преодолении трудных жизненных ситуаций.

Рис. 1. График средних ценности «Традиции» и материального положения семьи согласно распределению на подмножество по критерию Уоллера-Дункана

Fig. 1. Graph of average values of “Tradition” and financial status of the family according to the distribution into a subset according to the Waller-Duncan criterion

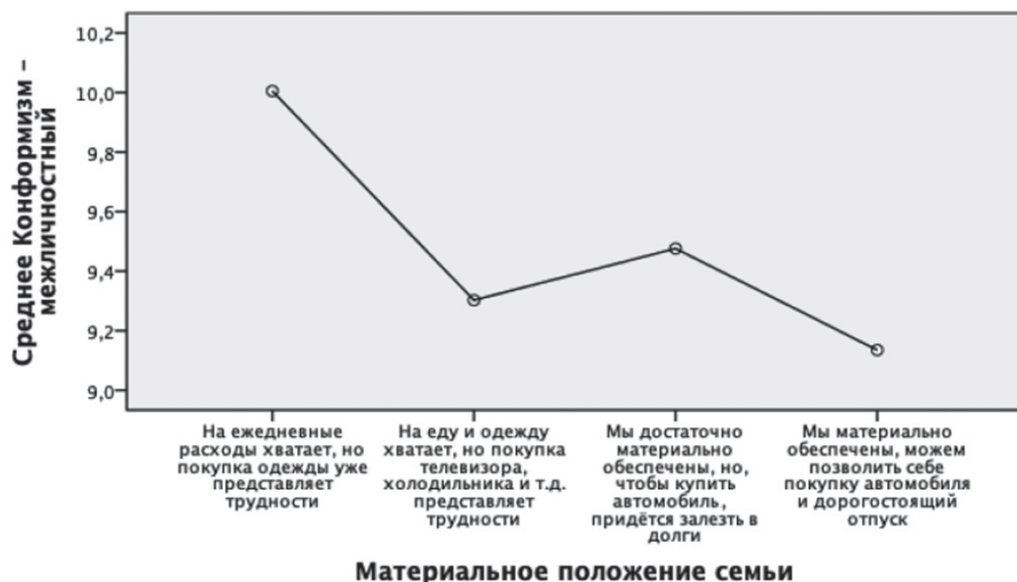

Рис. 2. График средних ценности «Конформизм — Межличностный» и материального положения семьи согласно распределению на подмножество по критерию Уоллера-Дункана
Fig. 2. Graph of the average value “Conformity-Interpersonal” and the material status of the family according to the distribution into a subset according to the Waller-Duncan criterion

Второй наиболее представленный блок ценностей в нашем исследовании — **«Самоутверждение»**. Этот блок описывается Шварцем как блок, связанный со стремлением удовлетворить собственные интересы (Шварц и др., 2012). В него входят ценности «Гедонизм», «Достижение», «Власть» и «Репутация». Наше исследование показало, что с уровнем материального положения семьи связаны ценности «Гедонизм», «Достижение» и «Власть — Ресурсы».

«Гедонизм» ($F = 5,703, p = 0,001$, три подмножества для альфы = 0,05) определяется как стремление к удовольствию. Анализ подмножеств показал формирование трех групп: с низкой материальной обеспеченностью, со средней и с высо-

ким уровнем материальной обеспеченности (рис. 3). Ценность «Гедонизм» более поддерживаема в семьях с высоким и средним достатком и, вероятно, является результатом устоявшегося жизненного опыта, ассоциированного с комфортным образом жизни, удовлетворяющим имеющиеся потребности.

Ценность «Достижение» ($F = 5,155, p = 0,001$, два подмножества для альфы = 0,05: 1 — семьи с низким и средним достатком, 2 — с высоким) нацелена на «достижение успеха в соответствии с социальными стандартами (нормами)» (Шварц и др., 2012, с. 48). Молодежь из семей с высокой материальной обеспеченностью сильнее других нацелена на достижение успеха (рис. 4). Эти результа-

ты согласуются с исследованием К. Муздыбаева (2001), который отмечал, что для людей из малообеспеченных семей характерны пассивные формы совладания с материальными трудностями, большая фаталистичность, что может быть связано с самым образом бедности — пессимистичным, ограниченным и депрессивным.

Ценность «Власть — Ресурсы» ($F = 3,703$ и значимость $= 0,011$, два подмножества для альфа $= 0,05$: 1 группа — семьи с низкой и средней материальной обеспеченностью, 2 группа — семьи с высокой и средней) нацелена на использование материальных и социальных ресурсов как средства влияния (Шварц и др., 2012). Чем выше уровень материального благополучия семьи, тем привычнее

использовать имеющиеся возможности для выражения своей воли.

Блок «Самопреодоление» связывают с ценностями, нацеленными на «преодоление личных интересов ради других» (Шварц и др., 2012, с. 51). Анализ показал, что ценности «Благожелательность — Забота» ($F = 7,036$, значимость $= 0,000$) и «Благожелательность — Чувство долга» ($F = 2,776$, значимость $= 0,040$, два подмножества для альфы $= 0,05$: 1 — семьи с низким и средним доходом, 2 — с высоким и средним) также связаны с материальным положением семьи. Графики средних этих ценностей показывают рост средних показателей с ростом материального благополучия семьи, что также согласуется с теорией Инглхарта.

Рис. 3. График средних ценности «Гедонизм» и материального положения семьи согласно распределению на подмножество по критерию Уоллера-Дункана

Fig. 3. Graph of the average value of “Hedonism” and the financial situation of the family according to the distribution into a subset according to the Waller-Duncan criterion

Рис. 4. График средних ценности «Достижение» и материального положения семьи согласно распределению на подмножество по критерию Уоллера-Дункана
 Fig. 4. Graph of average values of “Achievement” and financial status of the family according to the distribution into a subset according to the Waller-Duncan criterion

Ценность «Благожелательность — Забота» характеризуется преданностью группе и заботой о ее членах. Анализ результатов, полученных с помощью критерия Уоллера-Дункана, показал формирование трех подмножеств для значимых альфа: 1 группа — молодежь с низкой материальной обеспеченностью, 2 группа — со средней, 3 группа — с высокой (рис. 5). Рост выраженности этой ценности с ростом финансового благополучия может объясняться тем, что у людей появляется больше ресурсов для оказания помощи и заботы о других.

Ценность «Благожелательность — Чувство долга» — стремление быть надежным членом группы (Шварц и др., 2012). Выражена эта ценность сильнее у молодежи, оценивающей уровень ма-

териального обеспечения как высокий, что может быть объяснено повышенным чувством ответственности перед семьей и благодарностью ей за то, что больше всего «вложила» в жизнь молодого человека.

Блок «Открытость изменениям» описывается как «готовность к новым или преобразующим идеям, действиям и переживаниям». В рамках нашего исследования только одна ценность из этого блока связана с материальными возможностями семьи — **«Самостоятельность — Мысли»** ($F = 3,467$, $p = 0,016$), определяющаяся в методике как «свобода развивать собственные идеи и способности» (Шварц и др., 2012, с. 48). Анализ распределения по подмножествам этой ценности показывает

Рис. 5. График средних ценности «Благожелательность — Забота» и материального положения семьи согласно распределению на подмножество по критерию Уоллера-Дункана
Fig. 5. Graph of average values of “Benevolence — Caring” and financial status of the family according to the distribution into a subset according to the Waller-Duncan criterion

формирование двух подгрупп: 1 — семьи с низким и средним уровнем дохода, 2 группа — семьи со средним и высоким уровнем дохода, график показывает рост средних значений выраженности ценности с ростом материального благополучия семьи. Связано это может быть с тем, что за спиной у таких детей есть большая финансовая опора на семью, позволяющая более свободно высказывать свои мысли и идеи, что обусловлено и более широким социокультурным опытом и взглядом на мир. Согласно схеме распределения ценностей Шварца (см. Приложение А, раздел 2, рис. А1), ценности «Традиции» и «Самостоятельность — Мысли» стоят противоположно-

но друг другу, однако следует отметить, что в контексте финансовых отношений они могут быть взаимодополняющими, поскольку опора на эффективные экономические семейные традиции и сформированные эффективные социально-экономические стереотипы позволяет более свободно выражаться.

Обобщая полученные результаты в контексте подгруппы респондентов с низким уровнем материального благополучия, отметим, что ценность «Конформизм — Межличностный» выражена значительно выше по сравнению с иными группами, а, в частности, ценности «Традиции», «Безопасность — Общественная», «Благожелательность — Забота», «Благо-

желательность — Чувство долга» значимо ниже по сравнению с группами респондентов с более высоким материальным положением. Можно предположить, что приведенное выше «сочетание» ценностных ориентаций несет в себе «потенциал» ряда рисков. «Высокий» межличностный конформизм в сочетании с низкой значимостью общественной безопасности и благожелательности к окружающим может быть индикатором «формального» отношения к правилам общественного порядка и, вероятно, возникать как следствие переживания последствий экономического неравенства или же дискриминации (в более радикальном случае), что, в свою очередь, является одним из факторов риска радикализации (Реан и др., 2021).

С другой стороны, в условиях ограниченных ресурсов, воспринимаемых участниками как форма жизненной нестабильности, предпочтение ценностей, связанных с конформизмом, может выступать как способ поддержания субъективной устойчивости, в частности, в межличностном взаимодействии, что может быть и адаптивным механизмом в рамках трудных жизненных ситуаций, обусловленных материальными трудностями.

Заключение

Было выявлено, что существуют устойчивые различия в ценностной структуре в группах с разным уровнем финансового благополучия семей студенческой молодежи. В результате нашего исследования можно выделить десять ценностей с наибольшим уровнем связи: «Традиции», «Благожелательность — Забота», «Гедонизм», «Достижения», «Безопасность — Общественная», «Конформизм — Межличностный»,

«Власть — Ресурсы», «Самостоятельность — Мысли», «Безопасность — Личная» и «Благожелательность — Чувство долга». Сильнее всего представлен блок «Сохранение», а наиболее «сильной» ценностью, связанной с финансовым положением, является ценность «Традиции», мотивационный смысл которой заключается в «поддержании культурных, социальных и семейных традиций» (Шварц и др., 2012, с. 48). У молодых людей из менее обеспеченных семей может происходить переосмысление семейных и культурных паттернов, они могут оценивать прежние как неэффективные в рамках сложившейся в обществе социально-экономической ситуации. С другой стороны, ценность «Конформизм — Межличностный» характеризуется большей выраженностью у респондентов из менее обеспеченных семей. Это может быть связано с большим запросом быть включенным в социально-экономические взаимодействия на фоне отсутствия финансовой опоры и устойчивости.

Ценностная структура личности не константа, а динамична. Молодые люди, выросшие в семьях с низким достатком, могли испытывать на себе родительскую фрустрацию и не получить благоприятных условий для создания эффективных стратегий финансового поведения. Респонденты из малообеспеченных семей и на этапе вторичной экономической социализации могут продолжать сталкиваться со стрессом и фрустрацией и в меньшей степени чувствовать себя защищенными и удовлетворенными. В связи с этим доминирование ценностей различно: у молодых людей формируется разный опыт жизненных ситуаций и разрешения трудностей. Так, на этапе вторичной эконо-

мической социализации респонденты со средним и более финансовым достатком имеют большую выраженность ряда ценностей, однако это не говорит о их большей дальнейшей эффективности. Личность — это не только социальный индивид, но и активный субъект социального развития, и, что не менее важно, активный субъект саморазвития. Таким образом, чрезвычайно важно не просто говорить об усвоении социального опыта индивидом, но обязательно рассматривать личность в качестве активного субъекта социализации (Реан, 2016). Эффективное усвоение социального опыта индивидом может быть вне зависимости от достатка семьи, что будет приводить и к изменению структуры ценностей личности.

Интересно, что при сопоставлении социологической теории Инглхарта и психологической теории Шварца можно наблюдать неравномерность в плане соотношения ценностных ориентаций, экономического благополучия и культурного контекста. Можно предположить, что теория Шварца предполагает у людей с более низким уровнем финансового достатка преобладание ценностей сохранения, тогда как у более обеспеченных индивидов должны быть выражены ценности открытости изменениям. Тем временем теория Инглхарта предполагает, что постматериалистические ценности, такие как независимость и самовыражение, усиливающиеся в условиях экономической стабильности, имеют большую значимость в обществах, где наблюдается экономическая стабильность. При этом при рассмотрении эмпирических данных можно наблюдать, что ценность «Традиции», представленная в российской молодежной выборке, оказывается

более выраженной у экономически благополучных студентов, что не вполне согласуется с ожиданиями, проистекающими из моделей Шварца и Инглхарта.

Это инициирует дискуссии об ограничениях теорий, так как эмпирические закономерности выраженности ценностных ориентаций могут варьироваться в зависимости от культурного и социально-экономического контекста. Согласно исследованиям, в российском обществе высокая степень неопределенности, исторический опыт социально-экономических потрясений и значительная роль коллективистских норм может приводить к тому, что экономическая стабильность способствует усилению традиционалистских установок, а не переходу к ценностям открытости (Лапин, 1996; Магун, Руднев, 2010), что может быть связано с особенностями российской культурной среды, в которой традиции не противопоставляются экономическому прогрессу, а воспринимаются как фактор социальной стабильности, на которую есть большой запрос.

Можно сказать, что сопоставление психологических и социологических подходов в исследовании ценностей представляется удачным, поскольку высвечивает связь между экономическим положением и ценностными ориентациями, которая является контекстуально зависимой. Таким образом, российская специфика ценностных трансформаций требует более детального анализа, учитывающего как исторические факторы, так и особенности социально-экономического развития страны.

Вывявленные закономерности предпочтения ценностей в зависимости от субъективной оценки материального положения позволяют предположить, что

в условиях социальной и экономической нестабильности предпочтение определенных ценностей может служить способом внутренней регуляции. В этом смысле ценности становятся ресурсом, помогающим человеку справляться с трудностями повседневной жизни. Также полученные данные показывают, что предпочтения ценностей варьируются в зависимости от субъективной оценки материального положения. Такое положение может интерпретироваться как фоновый контекст трудной жизненной ситуации, поскольку оно связано с ограничением возможностей, неопределенностью, виктимностью и неудовлетворенностью, необходимостью переоценки жизненных ориентиров и трансформации поведенческих стратегий. Выраженная в этих условиях ценность «Конформизм — Межличностный», согласно полученным результатам, может выступать в роли внутреннего ресурса, на котором основываются социальная солидарность и чувство идентичности.

Ограничения. К ограничениям проведенного нами исследования можно отнести существенное преобладание в выборке респондентов женского пола, что затрудняет экстраполяцию полученных

результатов на более широкую генеральную совокупность. При этом следует отметить, что выборка формировалась в соответствии с целями исследования и спецификой анализируемой группы, вследствие чего может рассматриваться как репрезентативная в пределах заданной подсовкупности, обладающей сходными признаками.

Еще одно ограничение состоит в том, что выявленные различия в ценностной структуре в группах с разным уровнем финансового благополучия семей студенческой молодежи не позволяют делать выводы об их причинно-следственной связи.

Limitations. The limitations of our research include the significant predominance of female respondents in the sample, which makes it difficult to extrapolate the results to a broader general population. It should be noted that the sample was formed in accordance with the objectives of the study and the specifics of the analyzed group, as a result of which it can be considered representative within a given subset with similar characteristics.

Another limitation is that the identified differences in the value structure in groups with different levels of financial well-being of student families do not allow us to draw conclusions about their cause-and-effect relationship.

Список источников / References

1. Андреева, Г.М. (2009). *Социальная психология сегодня: поиски и размышления: сборник статей*. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, Российская академия образования.
Andreeva, G.M. (2009). *Social psychology today: research and reflections: a collection of articles*. Moscow: Publ. Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, Rossiiskaia akademiia obrazovaniia. (In Russ.).
2. Бартол, К. (2004). *Психология криминального поведения*. СПб.: Прайм-Еврознак.
Bartol, C. (2004). *Psychology of criminal behavior*. Saint Petersburg: Praim-Evrozak. (In Russ.).
3. Выготский, Л.С. (1983). *Проблемы развития психики*. В: А.М. Матюшкин (Ред.), *Собрание сочинений: В 6-ти т. (Т. 3) (С. 145)*. М.: Педагогика.

- Vygotsky, L.S. (1983). Problems of mental development. In A.M. Matyushkin (Ed.), *Collected Works: In 6 Volumes (Vol. 3)* (p. 145). Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
4. Гришина, Н.В., Лавренчук, С.Ю. (2008). Ценностные ориентации личности: семья и поколение. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. Социология. Педагогика*, 3, 113–123. Grishina, N.V., Lavrenchuk, S.Yu. (2008). Value orientations of personality: family and generation. *Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 3, 113–123. (In Russ.).
 5. Дробышева, Т.В. (2017). Вторичная экономическая социализация личности и группы: понятие и основные направления исследования. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития*, 6(4), 312–317. Drobysheva, T.V. (2017). Secondary economic socialization of personality and group: concept and main research directions. *Izv. of Sarat. Univ. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 6(4), 312–317. (In Russ.).
 6. Дробышева, Т.В. (2018). Экономическая социализация личности: анализ отечественных подходов к пониманию феномена. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*, (1), 29–39. Drobysheva, T.V. (2018). Economic socialization of personality: analysis of Russian approaches. *Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 1, 29–39. (In Russ.).
 7. Инглхарт, Р. (2020). *Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир* (С.Л. Лопатина, Пер.; 2-е изд., эл.). Москва; Челябинск: Социум. Inglehart, R. (2020). *Cultural evolution. How human motivations change and how it changes the world* (S.L. Lopatina, Trans.; 2-e izd., el.). Moscow; Cheliabinsk: Sotsium. ISBN 978-5-91603-607-7 (In Russ.).
 8. Лапин, Н.И. (1996). Динамика ценностей населения реформируемой России. *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*, 2, 141–150. Lapin, N.I. (1996). Dynamics of values of the population of reforming Russia. *Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation*, 2, 141–150. (In Russ.).
 9. Магун, В.С., Руднев, М.Г. (2010). Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года). *Вопросы экономики*, 12, 57–72. Magun, V.S., Rudnev, M.G. (2010). Basic values of Russians and other Europeans (based on 2008 surveys). *Voprosy ekonomiki*, 12, 57–72. (In Russ.).
 10. Муздыбаев, К. (2001). Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегия совладания и индикаторы депривации. *Социологический журнал*, 1, 5–32. Muzdybaev, K. (2001). Experiencing poverty as social failure: Attribution of responsibility, coping strategies and deprivation indicators. *The Sociological Journal*, 1, 5–32. (In Russ.).
 11. Мухина, В.С. (2017). Личность. Мифы и реальность: альтернативный взгляд, системный подход, инновационные аспекты. Екатеринбург: ИнтелФлай. Mukhina, V.S. (2017). Personality. Myths and reality: An alternative view, systemic approach, innovative aspects. Ekaterinburg: IntelFlai. (In Russ.).
 12. Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта / А.А. Реан, И.А. Коновалов, М.А. Новикова, Д.В. Молчанова; под ред. акад. А.А. Реана. (2021). СПб.: Издательско-полиграфическая компания «КОСТА». Rean, A.A., Kononov, I.A., Novikova, M.A., Molchanova, D.V. (Eds.). (2021). Prevention of aggression and destructive behavior in youth: international experience. Saint Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskaya kompaniya "KOSTA". (In Russ.).
 13. Реан, А.А. (2016). Психология личности (С. 15). СПб.: Питер. Rean, A.A. (2016). Personality psychology (p. 15). Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).

14. Реан, А.А., Коновалов, И.А. (2019). Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи. Национальный психологический журнал, 1(33), 23–33. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103>
- Rean, A.A., Kononov, I.A. (2019). Aggressiveness in adolescents depending on gender and socio-economic status of the family. Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal, 1(33), 23–33. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103> (In Russ.).
15. Франкл, В. (1990). Человек в поисках смысла. М.: Прогресс.
Frankl, V. (1990). Man's search for meaning. Moscow: Progress. (In Russ.).
16. Фрумин, И.Д. (2006). Основные подходы к проблеме равенства образовательных возможностей. Вопросы образования, 2, 5–22.
Frumin, I.D. (2006). Main approaches to the problem of equality in educational opportunities. Voprosy obrazovaniya, 2, 5–22. (In Russ.).
17. Шварц, Ш., Бутенко, Т.П., Седова, Д.С., Липатова, А.С. (2012). Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 9(2), 43–70.
Schwartz, S., Butenko, T.P., Sedova, D.S., Lipatova, A.S. (2012). Refined theory of basic individual values: application in Russia. Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki, 9(2), 43–70. (In Russ.).
18. Шведовская, А.А., Загвоздкина, Т.Ю. (2013). Социально-экономический статус семьи и психическое развитие ребенка: зарубежный опыт исследования. Психологическая наука и образование, 18(1), 65–76.
Shvedovskaya, A.A., Zagvozdkina, T.Yu. (2013). Socioeconomic status of the family and child's mental development: international research experience. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie, 18(1), 65–76. (In Russ.).
19. Шмидт, П. (2011, 11 апреля). Ценности Шварца vs. Ценности Инглхарта. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. <https://scr.hse.ru/news/29248801/>
Schmidt, P. (2011, April 11). Schwartz's values vs. Inglehart's values. Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy NIU VSHE. <https://scr.hse.ru/news/29248801/> (In Russ.).
20. Федотова, В.А. (2017). Ценности россиян в контексте возрастных различий. Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 1, 78–86.
Fedotova, V.A. (2017). Values of Russians in the context of age differences. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya, 1, 78–86. (In Russ.).
21. Conger, R.D., Conger, K.J., Elder, G.H., Lorenz, F.O., Simons, R.L., Whitbeck, L.B. (1992). A family process model of economic hardship and adjustment of early adolescent boys. *Child Development*, 63(3), 526–541. <https://doi.org/10.2307/1131344>
22. Danes, S.M. (1994). Parental perceptions of children's financial socialization. *Financial Counseling and Planning*, 5, 127–149.
23. Gudmunson, C.G., Danes, S.M. (2011). Family financial socialization: Theory and critical review. *Journal of Family and Economic Issues*, 32(4), 644–667. <https://doi.org/10.1007/s10834-011-9275-y>
24. IBM SPSS. (n.d.). *IBM SPSS Statistics Base 25*. https://www.ibm.com/docs/en/SSLVMB_25.0.0/pdf/ru/IBM_SPSS_Statistics_Base.pdf
25. Inglehart, R. (2023). The ingelehart-welzel World cultural Map-World values survey 7. WVS. <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>.
26. Kelly, M. (2000). Inequality and crime. *Review of Economics and Statistics*, 82(4), 530–539. <https://doi.org/10.1162/003465300559028>

27. Michalos, A.C. (2017). *Connecting the quality of life theory to health, well-being and education*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-51161-0>
28. Sauder, D.C., DeMars, C.E. (2019). An updated recommendation for multiple comparisons. *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*, 2(1), 23–38. <https://doi.org/10.1177/2515245918808784>
29. Schwartz, S.H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C., Ramos, A., Verkasalo, M., Lönnqvist, J.-E., Demirutku, K., Dirilen-Gumus, O., Konty, M. (2012). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 103(4), 663–688. <https://doi.org/10.1037/a0029393>

Приложение / Appendix

Приложение А. Таблицы уровня ценностных ориентаций, результаты дисперсионного анализа и пространственные схемы ценностей. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160404>

Appendix A. Tables of the level of value orientations, results of dispersion analysis and spatial schemes of values. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160404>

Информация об авторах

Артур Александрович Реан, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>, e-mail: profrean@yandex.ru

Андрей Олегович Шевченко, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Проектно-учебной лаборатории «Молодежная политика», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9118-2617>, e-mail: andreyshevchenkomsu@gmail.com

Алексей Андреевич Ставцев, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7299-5017>, e-mail: stavtsev.alex@yandex.ru

Антон Львович Линьков, научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4364-0182>, e-mail: tonypsy@yandex.ru

Иван Александрович Коновалов, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0982-5813>, e-mail: iv.kononov@yandex.ru

Роман Геннадьевич Кузьмин, научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8851-5313>, e-mail: romquz@gmail.com

Реан А.А., Шевченко А.О., Ставцев А.А.,
Линьков А.Л., Коновалов И.А., Кузьмин Р.Г. (2025)
Ценностная структура и материальный статус...
Социальная психология и общество,
16(4), 49–70.

Rean A.A., Shevchenko A.O., Stavtsev A.A.,
Linkov A.L., Kononov I.A., Kuzmin R.G. (2025)
Value structure and material status of the family...
Social Psychology and Society,
16(4), 49–70.

Information about the authors

Artur A. Rean, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Science (Psychology), Professor, Head of the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>, e-mail: profrean@yandex.ru

Andrey O. Shevchenko, Candidate of Science (Psychology), Senior Researcher, Project and Educational Laboratory “Youth Policy”, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9118-2617>, e-mail: andreyshevchenkomsu@gmail.com

Alexey A. Stavtsev, Candidate of Science (Psychology), Research Fellow at the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7299-5017>, e-mail: stavtsev.alex@yandex.ru

Anton L. Linkov, Research Fellow at the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4364-0182>, e-mail: tonypsy@yandex.ru

Ivan A. Kononov, Candidate of Science (Psychology), Research Fellow at the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0982-5813>, e-mail: iv.kononov@yandex.ru

Roman G. Kuzmin, Research Fellow at the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8851-5313>, e-mail: romquz@gmail.com

Вклад авторов

Реан А.А. — формулирование замысла/идеи исследования, целей и задач; контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования; создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

Шевченко А.О. — программирование, разработка и проектирование программного обеспечения; написание программного кода и реализация вспомогательных алгоритмов; тестирование существующих компонентов кода; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи.

Ставцев А.А. — проверка воспроизводимости результатов экспериментов и исследования в рамках основных или дополнительных задач работы.

Линьков А.Л. — разработка или проектирование методологии исследования; создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

Коновалов И.А. — создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

Кузьмин Р.Г. — создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Artur A. Rean — ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution, including mentorship external to the core team; preparation, creation and / or presentation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision — including pre- or post-publication stages.

Andrey O. Shevchenko — programming, software development; designing computer programs; implementation of the computer code and supporting algorithms; testing of existing code components; preparation, creation and / or presentation of the published work, specifically writing the initial draft.

Alexey A. Stavtsev — verification, whether as a part of the activity or separate, of the overall replication / reproducibility of results / experiments and other research outputs.

Anton L. Linkov — development or design of methodology; creation of models; preparation, creation and / or presentation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision — including pre- or post-publication stages.

Ivan A. Kononov — preparation, creation and / or presentation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision — including pre- or post-publication stages.

Roman G. Kuzmin — preparation, creation and / or presentation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision — including pre- or post-publication stages.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Респонденты предоставили письменное добровольное согласие на участие в исследовании, включенное в форму анкетного опроса.

Ethics statement

The respondents provided written informed consent to participate in the study, which was included in the questionnaire form.

Поступила в редакцию 16.05.2025

Поступила после рецензирования 21.10.2025

Принята к публикации 05.12.2025

Опубликована 30.12.2025

Received 2025.05.16.

Revised 2025.10.21.

Accepted 2025.12.05

Published 2025.12.30